

ЧИТАТЕЛЬ В СОЗНАНИИ Н.М.КАРАМЗИНА: ДО «ИСТОРИИ...»

А.И.Федута

THE READER IN THE MINDS OF NIKOLAI KARAMZIN: BEFORE "THE HISTORY OF RUSSIAN STATE"

A.I.Feduta

Европейский гуманитарный университет (Вильнюс, Литва), feodor1964@yandex.ru

В статье воссоздается процесс становления концепции читателя-адресата в сознании Николая Карамзина. На материале творчества и биографии писателя реконструируется влияние таких факторов, как принадлежность Карамзина к масонству, путешествие, журналистская деятельность. Раскрывается роль самого Карамзина в расширении реальной читательской аудитории рубежа XVIII—XIX вв. Исследование охватывает период до начала работы писателя над «Историей государства Российского».

Ключевые слова: Карамзин, автор, читатель, сентиментализм, русская литература XVIII века, масонство, травелог

The article reconstructs the process of establishment of reader-addressee concept in Nikolay Karamzin's conscious. Based on the work and biography of the writer the influence of such factors as Karamzins affiliation to masons, travelling, journalizing is re-enacted. The article uncovers the role of Karamzin in readership outreach on the cusp of XVIII — XIX centuries. The research covers the period before the authors work on "The History of the Russian State".

Keywords: Karamzin, author, reader, sentimentalism, Russian literature of XVIII century, masonry, travelogue

По мнению Ю.М.Лотмана, литературная деятельность Карамзина проходит через пять периодов — так называемый «масонский»; время издания «Московского журнала», 1793—1800; период «Вестника Европы»; и, наконец, период работы над «Историей государства Российского» [1]. Примем лотмановскую периодизацию за отправную и попытаемся рассмотреть, как именно складывались взаимоотношения Карамзина и читательской аудитории до «Истории...».

Первый период творчества Карамзина составляет приблизительно четыре года — с 1785 по 1789 гг. Это период становления Карамзина не только как литератора, но и — в первую очередь — как личности. Начиная автор, Карамзин открыт влияниям каждого встречного «добродетельного человека», которого он добровольно избирает себе в наставники. Показательно, что первый культурный круг, в который попадает покинувший родной Симбирск молодой Карамзин — «Дружеское типографическое общество» Н.И.Новикова, куда его вводит один из лидеров русского масонства И.П.Тургенев. Это замкнутая организация, следующая теоретическим постулатам «вольных каменщиков» в повседневной практической — в том числе и литературной — деятельности. Вот что рассказывал об этом И.В.Лопухин А.Г.Орлову-Чесменскому: «Мы издали много книг. — Конечно, на каждой странице почти каждой из них найдете вы поучение, что надобно истреблять в себе самолюбие, смиряться, все сносить, принимая все от руки Божией, покоряться властям, как от Него поставленным, и тому подобное» [2]. Истребление же самолюбия, о котором говорит Лопухин, предполагает признание равенства твоей личности и личностей других людей, пусть и стоящих ниже на ступенях социальной лест-

ницы. Это совпадает с идеологией книг, составляющих чтение молодого Карамзина, прежде всего французских и английских просветителей¹. Теория естественного равенства Ж.-Ж.Руссо становится основой карамзинского мировоззрения.

Следует сделать экскурс в историю взаимоотношений автора и читателя предкарамзинского периода. Для эпохи классицизма характерно восприятие искусства как особой формы служения. «Поэт выступает в роли носителя высшей истины, а поэтическое слово получает ценность слова, дарованного свыше, наделенного особой авторитетностью, становится Словом» [3]. При этом художник воспринимает себя в качестве особо выделенного Богом и призванного пастыря-проповедника. Естественно, что в этом случае он осознает себя не как частное лицо, равное прочим частным лицам, но как медиума. Его задача состоит не столько в том, чтобы доставлять читающим эстетическое удовольствие (хотя, разумеется, и это тоже), но, в первую очередь, в том, чтобы помочь читателю медленно и трудно, но с наименьшими потерями пройти путь к Истине. Неслучайно в предисловиях, теоретических трактатах, в текстах художественных произведений акцентируется внимание читателя на тех моментах, на которых он, читатель, просто *обязан* остановиться. «Читатель, который торопится узнать, что произойдет с героями, который глотает страницу за страницей, следя лишь за развитием событий, [...] совершает величайший грех против искусства, вообще против истины» [4]. Автор — учитель, наставник, читатель — ученик, он обязан слушать автора.

По-иному, на первый взгляд, оценивает взаимоотношения автора и читателя Н.И.Новиков, который советует начинающему автору: «[...] избери из

своих приятелей друга, который был бы человек разумный, знающий и справедливый: слушай его критику без огорчения; следуй его советам; и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однако ж, знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим» [5]. Но и здесь проблема авторитетности мнения читателя стоит весьма остро. Новиков, доверяя читателю, сомневается в праве автора учить, оставляя читателю право на собственное мнение; «я» добровольно уступает «другому», автор подчиняет свою волю читателю, творчество подчиняется «социальному заказу».

Здесь таится ловушка. Читатель, несущий бремя классицистического отношения к литературе, становится в позу носителя высшей истины. Именно так, наставнически, ведут себя по отношению к молодому Карамзину И.П.Тургенев, А.А.Петров, семья Плещеевых. При этом показательны, на наш взгляд, отношения, сложившиеся между Карамзиным и Петровым.

И.И.Дмитриев, хорошо знавший обоих, дает следующую характеристику двоим друзьям: «[...] они были не во всем сходны между собою: один <Карамзин. — А.Ф.> пылок, откровенен и без малейшей желчи; другой <Петров. — А.Ф.> угрюм, молчалив и подчас насмешлив. Но оба питали равную страсть к познаниям, к изящному; имели одинаковую силу в уме, одинаковую доброту в сердце...» [6]. В своих различиях они явно дополняют друг друга. Причем реальные взаимоотношения отличались от идеальной модели, нарисованной Карамзиным в «Цветке на гроб моего Агатона». Анализируя дошедшие до нас фрагменты их переписки (письма Петрова), Р.М.Лазарчук обращает внимание, над чем именно безжалостно иронизирует Петров: предметом его насмешки становятся «сердечные изливания, обожание друга, восхищение его достоинствами...» [7]. В повести «Чувствительный и холодный» Карамзин выплеснет наружу обиду: «Холодные люди могут быть только математиками, географами, натуралистами, антиквариями и — если угодно — философами!..» [8] Это, мягко говоря, парадоксальное суждение для Карамзина — ученика масонов. Масоны были не только деятельными филантропами, но и философами, их человеколюбие было человеколюбием осмысленным, рационалистическим, просветительским². И потому, что Карамзин изначально был и оставался для масонов и остального окружения этого периода лишь *учеником*, зрелый Карамзин позже осудит своих *учителей*. Он отказался от «вручения своей воли какому-либо руководству» [1, с. 42], насколько благими ни были бы, на первый взгляд, порывы его потенциального руководителя.

Карамзин порывает с масонами и отправляется в европейское путешествие. Это путешествие Карамзина коренным образом переломит наметившиеся негативные тенденции в общении его с читательской аудиторией, что найдет свое отражение в одном из главных произведений русского сентиментализма — «Письмах русского путешественника». Они уже в заглавии принципиально ориентированы на читательскую реакцию. «Письма» есть заведомая форма общения, причем общения, в первую очередь, друже-

ского³. Слово «русский» обозначает не только и не столько язык, на котором изъясняется путешественник, одновременно герой и повествователь произведения, сколько точку отсчета его мировосприятия и одновременно национальную типичность этого мировосприятия (наличие общего с читателем жизненного опыта). Наконец, понятие «путешественник» обозначает жанровую природу произведения и, одновременно, социально-культурный контекст, от которого отталкивается автор (быть «русским путешественником» мог лишь человек определенного социального статуса).

Как доказал еще В.В.Сиповский, «Письма русского путешественника» не являются реальными письмами реального Карамзина, они писались и переписывались длительное время по окончании путешествия 1789—1790 годы [9]. Автор решает в «Письмах...» две важные задачи. Первая задача — *просветительская*. В соответствии с жанровой традицией⁴ «Письма...» представляют собой совокупность различного рода сведений, которые, по мнению автора, могли бы заинтересовать читателя потенциальной *полезностью*, дополняя его образовательный багаж. Вторая задача — *воспитательная*, заключающаяся в том, чтобы, совершенствуя не только *разум*, но и чувства *читателей*, воспитать аудиторию, которая максимально соответствовала бы потребностям Карамзина как автора и чьей эстетической потребности Карамзин, в свою очередь, сам максимально соответствовал бы как автор.

«Письма...» пронизаны обращениями к читателю. Первое же «письмо» начинается фразой, которая одновременно указывает на хронотоп путешествия: «Расстался я с вами, милые, расстался!» [8, т. 1, с. 57]. Путешествие «молодого, неопытного русского путешественника» [8, т. 1, с. 56], как обозначает повествователь себя в предисловии, ставит по отношению к повествователю те же задачи, что и по отношению к читателю, не только *начинается в момент расставания с «милыми» (читателями)*, но и *проходит тогда и там, когда и где читателя нет*. Поэтому *опыт рационального познания мира* (в соответствии с первой из обозначенных нами задач) не может быть в данном случае *общим опытом повествователя и читателя*: у повествователя есть явное временное преимущество и возможность выбора познаваемого предмета. Вместе с тем, есть еще одна сторона общего опыта, где и повествователь, и читатель находятся в приблизительно равных условиях — это *опыт эмоционального отношения к миру*. Ведь письмо для того и пишется, чтобы читатель пережил тот же эмоциональный взрыв, который уже пережил автор (повествователь). Они не всегда могут едино мыслить, но они могут едино чувствовать. «Милые мои», «любезные друзья», «любезнейшие друзья мои» — вот те, кому повествователь предлагает заглянуть в «зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев» [8, т. 1, с. 504]. И заглянуть в это зеркало — оказать высочайшее доверие, которое можно оказать лишь близкому человеку, равному тебе по высоте и напряженности эмоциональных переживаний.

Именно в «Письмах русского путешественника» закладывается особая система взаимоотношений

автора и читателя, каждый из которых признает за другим статус, равный его собственному статусу, доверяет его точке зрения и принимает ее как изначальную данность. Это не означает, что из «Писем...» исчезает просветительский пафос: он сохраняется, поскольку читательская аудитория принципиально дифференцирована в авторском сознании; разделяется на тех, кто «уже» входит в круг *единочувствующих*, и тех, кто будет достоин этой чести после того, как чувства его обострятся.

Возвращение Путешественника в Москву, в город, который стал отправной точкой его путешествия, ознаменовано возвращением уже *нового* автора к *прежнему* кругу читателей. Если до путешествия Карамзин был «ведомым», и само по себе путешествие было бунтом его против этого статуса, то теперь он оказывается в роли больше знающего и больше чувствующего. Уже не потенциальный читатель (будь то И.П.Тургенев, Н.И.Новиков или же А.А.Петров) ведет за собой Карамзина-литератора, а сам Карамзин чувствует потребность реализации права стать «ведущим». Право это он реализует в полной мере, приступив к изданию «Московского журнала» в 1791—92 гг.

А.П.Пятковский охарактеризовал «Московский журнал» как «первое живое слово в тогдашнем литературном затишье» [10]. По словам исследовавшей эту сторону деятельности Карамзина Т.Ф.Пирожковой, он буквально «обрушил на своих читателей массу сведений самого разнообразного свойства»: «здесь были стихи и проза, отчеты о русских и иностранных спектаклях, разборы русских и иностранных книг, анекдоты, переводы Клопштока, Виланда, Гердера и др.» [11]. Карамзин явно ориентируется на современную ему европейскую журналистику, формируя ту читательскую аудиторию, которую он нашел в Европе во время путешествия и которая уже существовала в его сознании в качестве коллективного образа идеального читателя-адресата. При этом «в “Московском журнале” ведущим предметом читательского спроса стали “Письма...”, занявшие, благодаря своему разнообразию, центральное место в издании, что отразилось в публичной идентификации Карамзина как “путешественника”» [12]. В «Письмах...» произошла еще и своеобразная реабилитация скомпрометированного в общественном сознании типа «русского щеголя-петиметра за границей», который до тех пор предстал исключительно в виде новиковского «поросенка», отправившегося получать соответствующее европейским стандартам образование, но вернувшегося «совершенно свиньей». Карамзинский Путешественник вернулся как раз таким, каким должен был вернуться «просвещенный молодой человек»: выдавший Виланда, беседовавший с Кантом, осудивший порывы революционной парижской толпы, проникнувшийся духом европейского Просвещения [13]. Происходит общение идеальных автора и читателя, равных также и в этом. Идеализация Путешественника-повествователя (и героя) в читательском сознании невольно приводит к тому, что идеализируется и автор. Отношение реальных читателей к реальному Карамзину в этот период сродни поклонению⁵.

Однако реакция читателей, сколь бы благожелательной ни была она по отношению к Карамзину и его журналу, не могла удовлетворить автора именно в силу существовавшей в его сознании концепции всеобщего духовного равенства. Установив принципы равенства между автором и читателем, Карамзин приходит к необходимости установления тех же принципов и в собственно читательской среде⁶. Эта концепция равенства сродни концепции Ж.-Ж.Руссо, однако без того воспевания разума, которое было свойственно французским руссоистам. Карамзина волнует, в первую очередь, равенство чувств, и все его творчество направлено не на просвещение читательского разума, а, если использовать образ Г.Флобера, на «воспитание чувств».

Карамзин осознает, что его аудитория дифференцирована: «Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей» [8, т. 2, с. 115]. При этом едва ли не первым из русских авторов он выделяет как отдельную влиятельную группу женщин-читательниц: «Нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях; матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой — и семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа. Одним словом, если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе» [8, т. 2, с. 115]⁷.

Карамзин понимает также, что каждая группа читателей ждет своего чтения и ищет его: «Надобно всякому что-нибудь поближе: Одному Жан-Жака <Руссо. — А.Ф.>, другому <“Несчастливого” > “Никанора”. Как вкус физический вообще уведомляет нас о согласии пищи с нашею потребностью, так вкус нравственный открывает человеку верную аналогию предмета с его душою; но сия душа может возвыситься постепенно — и кто начинает “Злосчастливым дворянином”, нередко доходит до “Грандисона”» [8, т. 2, с. 119]⁸.

Активная деятельность Карамзина — писателя таким образом получает свое продолжение и развитие в художественной прозе малых жанров, в первую очередь — в повестях конца XVIII века. Его повесть как жанр адресована всем читателям — поэтому именно в малой прозе происходит окончательная секуляризация языка Карамзина: это язык бытового общения, максимально лишенный примет «высокого штиля» и не вызывающий проблем восприятия, вероятно, не только у «образованного» читателя-дворянина, но и у любого читателя, говорящего по-русски. При этом и «низкому штилю» отказывается в праве быть литературным, поскольку это может оттолкнуть как раз «образованного» читателя⁹.

Разумеется, наиболее принципиальный характер для нас имеет самое известное произведение Карамзина этого периода — повесть «Бедная Лиза». Именно эта повесть «владела сердцами Русских чита-

телей пятнадцать лет без соперницы, и только в 1808 году она разделила свою славу с *Марьиной роцей* и потом *Людмилой*, первой балладой Жуковского, еще лет на 20!» [14]. «Читатели и читательницы проливали слезы о бедной Лизе, и эти слезы были приятны для них, и повесть открывала им в их собственной душе богатства, ранее скрытые» [15]. Как заметила в 1896 г. Н.А.Белозерская, «небывалый успех “Бедной Лизы” Карамзина представляет едва ли не единственный пример увлечения русской публики подражательной повестью, и это увлечение было вызвано не ее содержанием, а [...] талантом ее автора, так как талант всегда обаятельно действует на толпу» [16].

В.Н.Топоров, скрупулезно исследовавший этот маленький шедевр, описывая степень точности карамзинского пейзажа, задается правомерным вопросом: «Ну зачем, скажем, в сентиментальной повести, где главное — чувства, приводить цифровые данные топографического характера? На какого читателя рассчитывал Карамзин? До того ли этому читателю, скорее уж чуткому и сострадательному, чем трезвому и нуждающемуся в эмпирической точности, знать, что хижина, в которой жила Лиза со своей матерью, была “саженях в семидесяти от монастырской стены”... Не опасался ли Карамзин, что читатель, приближающийся к нему по точности и изощренности и сам желающий войти в силовое поле “Бедной Лизы”, в атмосферу душевности, ею создаваемую, проверит его числовые характеристики (благо он, читатель, знает две точки из трех *точно* — монастырь и пруд)?» [17]. Фактически в этой цитате помимо вопроса («На какого читателя рассчитывал Карамзин?») содержится и ответ («...он, читатель, знает...»). Повесть написана для едино чувствующих с автором и едино с ним знающих. Если «Письма русского путешественника» были адресованы читателю, который только *хотел узнать* то, что *уже знал* автор, то «Бедная Лиза» есть художественный результат общего жизненного (в первую очередь, этического, нравственного) опыта автора и читателя. Читатель знаком если не с самой коллизией взаимоотношений Лизы и Эраста, то, несомненно, с теми чувствами, которые она вызывает у автора. Неслучайно Карамзин восклицает: «Ах! Для чего пишу не *роман*, а печальную *быль*?» [8, т. 1, с. 518] (Выделено нами. — А.Ф.). В «*романе*» возможны определенные недомолвки и недосказанности, «*быль*» же предполагает всеведение читателя¹⁰.

Отсюда и еще одна особенность «Бедной Лизы». Читатель не только знает столько же, сколько знает автор и герои (в частности, повествователь). Читатель получает возможность спроецировать чувства героев на собственные чувства (поскольку автор и повествователь в его сознании слиты, и если автор чувствует ту же сердечную боль, что и Лиза с Эрастом, то предполагается, что и читатель с ним *едино чувствует*). Отсюда невероятный (если не считать феномена гетевского Вертера) эффект самоотождествления читательской аудитории с героиней повести Карамзина. Это будет казаться смешным спустя тридцать лет, и карамзинская цитата «Законы осуждают...» из «Острова Борнгольм» в устах пошляка Хлестакова будет сигналом к тому, что время уже изме-

нилось, элитарное и новое стало восприниматься как расхожее и затасканное. Вместе с тем показательно, что тот же Хлестаков, не задумавшись посягнувший на авторское право по отношению к «Юрию Мило-славскому» и сочинениям Барона Брамбеуса, помнит о том, что «Богу — Богово», Карамзину — карамзинское: «И Карамзин сказал — *законы осуждают!*» [18]. В читательском сознании личность и творчество Карамзина, человек и автор слиты нераздельно.

Это будет продолжаться до начала работы Карамзина над «Историей государства Российского» — до указа Александра I от 31 октября 1803 года, которым император назначает *писателя* — *историографом*.

Примечания

1. См. воспоминания И.И.Дмитриева: «Не могу и теперь вспомнить без удовольствия, с каким торжественным видом добрый и милый юноша Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика фильдингга “Томаса-Ионеса” (Том-Джона), в маленьком формате, с картинками, перевода Харламова» [6, с. 288].
2. Б.М.Эйхенбаум справедливо обращает внимание на любовь Карамзина к «“холодной” работе рассудка» [19]. Вместе с тем речь у Эйхенбаума идет не о внешних проявлениях эмоций, а именно о внутренней «работе рассудка», об упорядоченности этой работы. В этом отношении Карамзин, действительно, «холоден», как и большинство «детей» эпохи господства рационализма
3. Есть существенная разница между «письмом» и «посланием»: «письмо» адресовано частным лицом частному лицу по частному поводу; «послание» же есть акт публичный, общественно значимый. Отсюда — «Письма Эрнеста и Доравры», но «Послание Шувалову о пользе стекла». Показательно, что именно термином «послание» обозначается стихотворное произведение эпистолярного жанра: поэзия закреплена за «высоким» искусством, проза же — «смирненная проза». Письмо Татьяны к Онегину и ответное обращение Онегина в пушкинском «романе в стихах» будут характеризоваться и как «письмо» — если говорить о их частном, романном содержании, и как «послание» — если говорить о стихах.
4. Показательно, что именно в этот период в массовом читательском сознании формируется тот облик Автора карамзинских произведений, который сохранится надолго, будет канонизирован и увековечен в учебниках по литературе. Приведем выдержку из популярного гимназического учебника XIX века: «По собственным признаниям, он <Карамзин. — А.Ф.> в юношестве был чувствителен, как младенец; в возрасте мужества, мечтательность составляла его неизлечимую болезнь; на склоне лет, он также любил предаваться меланхолии и, читая романы, не мог удержать своих слез» [20].
5. Естественное исключение, подтверждающее правило, в данном случае — это противники языковой реформы, именно в этот период начатой Карамзиным, те, кто в недалеком будущем сплотится вокруг А.С.Шишкова [21].
6. Здесь уместно вспомнить принципы построения масонских лож, где равны были все, хотя и внутри своих «рядов»: российский аристократ мог оказаться в масонской иерархии ниже гувернера своих детей.
7. О роли женщин как новой группы читателей в конце XVIII — первые десятилетия XIX вв. см.: [22].
8. Карамзин понимает, насколько важно автору, что его творчество и востребуется разными читателями; в частности, он радуется И.И.Дмитриева: «Модная жена очень понравилась нашей Московской Публике, и притом публике всякого разбора. Это прекрасно, говорит фронт — в иных местах очень вольно, говорит модная дама со стыдливою улыбкою» [23].
9. В частности, об этом свидетельствует его реакция на употребление Дмитриевым слова «парень»: «Один мужик говорит пичужечка и парень: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красный

- летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пчелочку, и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: вот гнездо! вот пчелочка! При втором слове является моим мыслям дебелий мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: ай парень! что за квас! Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! — И так, любезной мой И^{ван} Иванович. — А.Ф.>, не лезь ли вместо парня употребить другое слово?» [23, с. 39]. — Показательно, что возникающий в сознании Карамзина образ совпадает с реакцией карамзиниста А.Г. Глаголева на «Руслана и Людмилу» Пушкина: «<...> увольте меня от подробностей и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородами, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели стали бы таким проказником любоваться?» [24].
10. Как покажет Ю.М.Лотман, массовый читатель и восприимчивый карамзинскую повесть как «быль». См.: Лотман Ю.М. Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М.Карамзина (К структуре массового сознания XVIII в.) [1, с. 616-620].
1. Лотман Ю.М. Карамзин. СПб: Искусство, 1997. С. 313.
 2. <Лопухин И.В.> Записки сенатора И.В.Лопухина. М.: Наука, 1990 (репринт Лондон, 1859). С. 47.
 3. Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 367.
 4. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 217.
 5. Новиков Н.И. Смеющийся Демокрит. М.: Советская Россия, 1985. С. 31.
 6. Дмитриев И.И. Сочинения. М.: Правда, 1986. С. 288.
 7. Лазарчук Р.М. Переписка Н.М.Карамзина с А.А.Петровым (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век: Сб. 20. СПб: Наука, 1996. С. 138.
 8. Карамзин Н.М. Сочинения. В 2 т. Л.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 609.
 9. Сиповский В.В. Н.М.Карамзин, автор "Писем русского путешественника". СПб, 1899. 662 с.
 10. Пятковский А.П. Русская журналистика при Александре I // Современник. 1866. № 1. С. 41.
 11. Пирожкова Т.Ф. Н.М.Карамзин — издатель «Московского журнала» (1791—1792): Лекции. М.: МГУ, 1978. С. 6.
 12. Ключкин К. Сентиментальная коммерция: «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 84-98.
 13. Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М.Карамзина (1785—1803). М.: МГУ, 1976. С. 42-83.
 14. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. В 2 ч. М., 1866. Ч. 1. С. 205.
 15. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 34.
 16. Белозерская Н. Василий Трофимович Нарежный: Историко-литературный очерк. СПб, 1896. С. 84.
 17. Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М.: РГГУ, 1995. С. 112-113.
 18. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2001-. Т. 4. С. 66.
 19. Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 205.
 20. Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой: В 2 т. М., 1894. Т. 2. С. 1.
 21. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 430-456.
 22. Lyons M. New Readers in the Nineteenth Century: Women, Children, Workers // A History of Reading in the West. Cambridge, 2003. P. 315-323.
 23. <Карамзин Н.М.> Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб, 1866. С. 16.
 24. Пушкин в прижизненной критике: 1820—1827. СПб.: Государственный пушкинский театральный центр, 2001. С. 27.

References

1. Lotman Yu.M. [Karamzin]. Saint Petersburg, 1997, p. 313.
2. <Lopukhin I.V.> Zapiski senatora I.V.Lopukhina [Memoirs of I.V.Lopukhin]. Moscow, 1990 (reprint of London, 1859), p. 47.
3. Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Lotman and semiotic school of Moscow and Tartu]. Moscow, 1994, p. 367.
4. Gukovskiy G.A. Ocherki po istorii russkoy literatury XVIII veka: dvoryanskaya fronda v literature 1750-kh — 1760-kh godov [Studies on the history of Russian literature of XVIII cent.: nobiliary Fronde in the literature of 1750—1760-s]. Moscow; Leningrad, 1936, p. 217.
5. Novikov N.I. Smeyushchiysya Demokrit [Laughing Democritus]. Moscow, 1985, p. 31.
6. Dmitriev I.I. Sochineniya [Works]. Moscow, 1986, p. 288.
7. Lazarchuk R.M. Perepiska N.M.Karamzina s A.A.Petrovym (K probleme rekonstruktsii «romana v pis'makh») [Correspondence of N.M.Karamzin and A.A.Petrov]. XVIII vek, part. 20. Saint Petersburg, 1996, p. 138.
8. Karamzin N.M. Sochineniya. V 2 t [Works in 2 vols]. Leningrad, 1984. Vol. 1, p. 609.
9. Sipovskiy V.V. N.M.Karamzin, avtor "Pisem russkogo puteshhestvennika" [N.M.Karamzin as an author of "Letters of Russian traveler"]. Saint Petersburg, 1899. 662 p.
10. Pyatkovskiy A.P. Russkaya zhurnalistika pri Aleksandre I [Russian journalism during Aleksandr I reign]. Sovremennik, 1866, no. 1, p. 41.
11. Pirozhkova T.F. N.M.Karamzin — izdatel' «Moskovskogo zhurnala» (1791—1792): Lektsii [N.M.Karamzin as a publisher of "Moscow's magazine"]. Moscow, 1978, p. 6.
12. Klyuchkin K. Sentimental'naya kommersiya: "Pis'ma russkogo puteshhestvennika" N.M.Karamzina [Sentimental commerce: "Letters of Russian traveler" of N.M.Karamzin]. Novoe literaturnoe obozrenie, 1997, no. 25, pp. 84-98.
13. Kislyagina L.G. Formirovanie obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov N.M.Karamzina (1785—1803) [Formation of political and social views of N.M.Karamzin]. Moscow, 1976, pp. 42-83.
14. Pogodin M.P. Nikolay Mikhaylovich Karamzin, po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: Materialy dlya biografii s primechaniyami i ob'yasneniyami: V 2 ch [N.M.Karamzin in his works, letters and comments of contemporaries]. Moscow, 1866. Part 1, p. 205.
15. Gukovskiy G.A. Russkaya literatura XVIII veka [Russian literature of XVIII cent.]. Moscow, 1998, p. 34.
16. Belozerskaya N. Vasiliiy Trofimovich Narezhnny: Istoriko-literaturnyy ocherk [Vasiliiy Trofimovich Narezhnny: historical and literary study]. Saint Petersburg, 1896, p. 84.
17. Toporov V.N. "Bednaya Liza" Karamzina: Opyt prochteniya ["Poor Liza" of N.M.Karamzin: practice of reading]. Moscow, 1995, pp. 112-113.
18. Gogol' N.V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t [Compl. Coll. Of works in 23 vols]. Moscow, 2001-. Vol. 4, p. 66.
19. Eykhenbaum B.M. O proze [On prose]. Leningrad, 1969, p. 205.
20. Galakhov A.D. Istoriya russkoy slovesnosti, drevney i novoy: V 2 t [History of Russian literature, ancient and new one in 2 vols]. Moscow, 1894. Vol. 2, p. 1.
21. Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and culture in Russia of XVIII cent.]. Moscow, 1996, pp. 430-456.
22. Lyons M. New Readers in the Nineteenth Century: Women, Children, Workers. A History of Reading in the West. Cambridge, 2003, pp. 315-323.
23. <Karamzin N.M.> Pis'ma N.M.Karamzina k I.I.Dmitrievu [Correspondence of N.M.Karamzin and I.I.Dmitriev]. Saint Petersburg, 1866, p. 16.
24. Pushkin v prizhiznennoy kritike: 1820—1827 [Pushkin in criticism of his lifetime]. Saint Petersburg, 2001, p. 27.